

НОМЕРЕ гостиницы круглые сутки равномерно гудит кондиционер, и, если не открывать окна и дверь в коридор, все изменения температуры аденского дня пройдут незамеченными. Я знаю лишь, что там, на улице, светит солнце, облака его не закрывают, никаких неожиданностей вроде дождя не предвидится.

Перед моим окном почти вплотную стоит недостроенный дом, загораживая город и свет, и только вороны на его карнизе дают мне скудную информацию, и то о погоде. Сначала прилетает одна птица, успокаивается после перелета, получше, поудобнее складывает крылья, топчется на месте и застыивает, раскрыв клюв. Внутри клюва чуть дрожит алый язык. Через несколько минут прилетает вторая ворона и тоже прячется в тени. Немного передохнув и остыв, первая вытягивает голову вровень со спиной, незаметно отталкивается и уже полетела снова искать пищу. Вторая спешит туда же, чтобы не прозевать добычу, о которой все известно первой.

Раз уж вороны не закрывают клювы, можно предположить, какая жара на улице. Так что градусник не очень нужен. В коридоре гостиницы очки запотевают, одежда напоминает о себе.

К пяти часам, то есть почти за десять часов работы, солнце выпаривает из воздуха большую часть влаги и ползет вниз, валится набок. К этому времени на улицах чувствуется оживление: машин больше, худой человек, что спал почти весь день на крыльце на подстилке, теперь сидит и наблюдает жизнь, козы тоже вышли из состояния оцепенения и деловито поедают старые газеты. Эти длиннорукие козы — удивительные и таинственные существа. Они питаются бумагой, иногда циночками или рубероидом, только издали видят зелень в саду за исправной изгородью, бродят с подвязанным выменем (чтобы козлята не роскошествовали) и раздувшимися боками среди машин, спят на камнях пустыря или на лестницах домов, свесив одну ногу и вымя, и при этом, видимо, дают молоко. Они не требуют от хозяев ничего, и даже водопроводные краны открывают сами. Их не обвинишь в потребительском подходе к жизни.

К пяти часам растут тени, скалы с теневой стороны остывают, и аденцы забираются на каменные уступы, садятся на корточки и так отдыхают в прохладе, поглядывая на дорогу, на машины, на залив. Некоторые залезают высоко и сидят там не двигаясь.

Скал в Адене много. Вернее, сам город в гостях у скал, больше половины его районов устроилось под ними. Стимер-Пойнт обосновался на берегу океана в том месте, где горы чуть отступили; собственно Аден, или Кратер, весь поместился в кратере вулкана; с внешней его стороны, вытянулась Маала,

и только Хормаксар и Шейх-Осман свободно расположились на равнине.

До Адена я ни разу не видел город, чьи районы были бы так определенно ограничены один от другого. Такова тут воля скал.

Изначальный из всех районов — Кратер. Он появился бог знает как давно. В самом деле, очень заманчиво иметь прикрытие, да еще какое — пяти-сотметровые края вулкана — с трех сторон, и лишь неширокий выход к морю. Город поступил как ракотшельник, делаящий своим домом пустую раковину. К тому же в те времена, когда в кратере появилось поселение, потухший вулкан находился на ост-

В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА

О Ч Е Р К П Е Р В Ы Й

Е. ГЛУЩЕНКО

Специальный корреспондент журнала

рове. Это потом, через столетия, мелководная полоса заилилась и получился аденский полуостров. Затем в скалах был пробит проход, а еще раньше (около X века) — туннель. Через проход — его позже расширили — идет теперь дорога, соединяющая Кратер с остальными районами. Туннель был когда-то единственным наземным (точнее, подземным) выходом из Адена, он так и назывался — аль-Баб аль-Бур — «проход на суше», в XVIII веке его называли «воротами водоносов», теперь же он известен как «верблюжий туннель» — совсем недавно через него входили в город караваны верблюдов.

Как любой древний город, Аден повидал и пережил всякое. Чаще всего бывали набеги соседей. В 24 году до н. э. Божественный Август послал завоевывать его свой десятый легион, ошибочно полагая, что вокруг города добывают золото, мирру и ладан, которые были тогда ценнейшими товарами. Однако легион сгинул где-то в песках Аравии, и Август переключил мысли и энергию на другие дела.

В средние века аденцам не давали покоя португальские пираты, поэтому, когда в 1538 году в аденской бухте появился турецкий флот, горожане даже обрадовались, решив, что единоверцы пришли к ним на подмогу. Эмир бин Дауд, управлявший тогда Аденом, с готовностью согласился поставить оттоманским морякам провиант, и сам отправился на корабль адмирала — благодарить и приветствовать. Назад он не вернулся. Единоверцы, не мешкая, повесили его на рее, высадились на берег и не на шутку увлеклись грабежом. С тех пор Аден, бывший, пожалуй, главным портом аравийской торговли, стал заметно хиреть.

Турки владели им до 1630 года. Почти за столетие они успели построить по гребню кратера стену и установить огромные бронзовые орудия, которые долго смотрели в море, но англичан в 1839 году

они не остановили. Английские солдаты стащили пушки с платформ, почистили и отправили в подарок королеве Виктории. Они стоят у Тауэра по сей день. А вместо развалившейся турецкой стены англичане построили свою и выравнивали склоны вулкана, взорвав уступы.

В годы английской оккупации Аден застраивался заново. Это было тем более нетрудно, что дома были глинобитные или камышовые, под крышами из пальмовых листьев. К тому же в городке обитало чуть больше тысячи жителей. Многие арабы промышляли рыболовством, снабжали суда паломников, направлявшихся в Мекку, дровами, водой, рыбой; евреи занимались ремеслами, а индийцы — торговлей.

От давних времен сегодня остались в Кратере только минарет погибшей мечети VIII века и резервуары для сбора воды, которым по крайней мере две тысячи лет. В них скапливалась дождевая вода, туда же текли ручьи. Несколько сот лет назад аденский климат был более умеренным, на месте нынешней пустыни росли леса, которые еще застал английский путешественник Генри Солт в 1809 году. Эти леса быстро свели на дрова, да и козы немало способствовали их гибели. Теперь в трех резервуарах, расположенных один над другим, вода еле прикрывает дно. Вокруг разбит парк, тут же построен небольшой музей — главная достопримечательность Адена.

ЗОЛОТО, ЛАДАН, КАЛЬЯНЫ

Здания Кратера, построенные главным образом в прошлом столетии, не привлекают внимания своеобразием архитектуры. По большей части это строения англо-индийского стиля, в два-три этажа, с деревянными ставнями на окнах, беленые снаружи и внутри, иногда с балкончиками. В последние годы в Кратере появились вполне современные здания банков и иностранных компаний со сплошными, во весь фасад, окнами, превосходными парадными подъездами. И все же это восточный город. Традиционный восточный облик придают ему люди на улицах.

Ни в одном из аденских районов нет такой оживленной уличной жизни, как в Кратере. В те часы, когда солнце становится милосерднее, по тротуарам так же нелегко пройти, как по улице Горького в часы пик. Жители Кратера предпочитают одеваться в национальную одежду, тем более что она куда удобнее в местном климате, чем европейские брюки и рубашка с галстуком. Арабы носят разноцветные клетчатые йеменские юбки, широкие пояса с карманами на кнопках, белые рубахи, чалмы или белые круглые шапочки (те, кто совершил паломничество в Мекку) на головах.

Первые этажи — сплошь лавки, поменьше и побольше. Где-то посредине главной торговой улицы возникает тревожащий душу экзотический запах. Он становится сильнее, и наконец я нахожу его источник. Это маленькая невзрачная лавка; на полках кульки, на полу мешки. Внутри лавки запах особенно сильный. Теплится на прилавке несколько палочек из ароматических смол, в мешках лежат большие куски ладана — таков товар в этом магазине. Ладан, мирра здесь совсем недороги.

За лавкой благовоний снова один за другим следуют микроскопические универсальные магазины, в которых продают одежду, кое-какую галантерею, игрушки, посуду, часы, открытки и разную другую мелочь. Все эти вещи сделаны либо в Европе, главным образом в Англии, либо в Японии. Кстати,

с каждым месяцем японских товаров становится больше. Недорогие, массивные, современной формы и к тому же автоматические часы фирмы «Сейко» явно побеждают очень дорогие респектабельные «Ролекс» и «Омегу». Так же и ткани, не говоря уж об автомобилях «Тойота», транзисторах «Сони» и магнитофонах «Санио». В этих маленьких магазинах видишь воочию, какое мощное экономическое наступление ведет Япония вдали от своих островов.

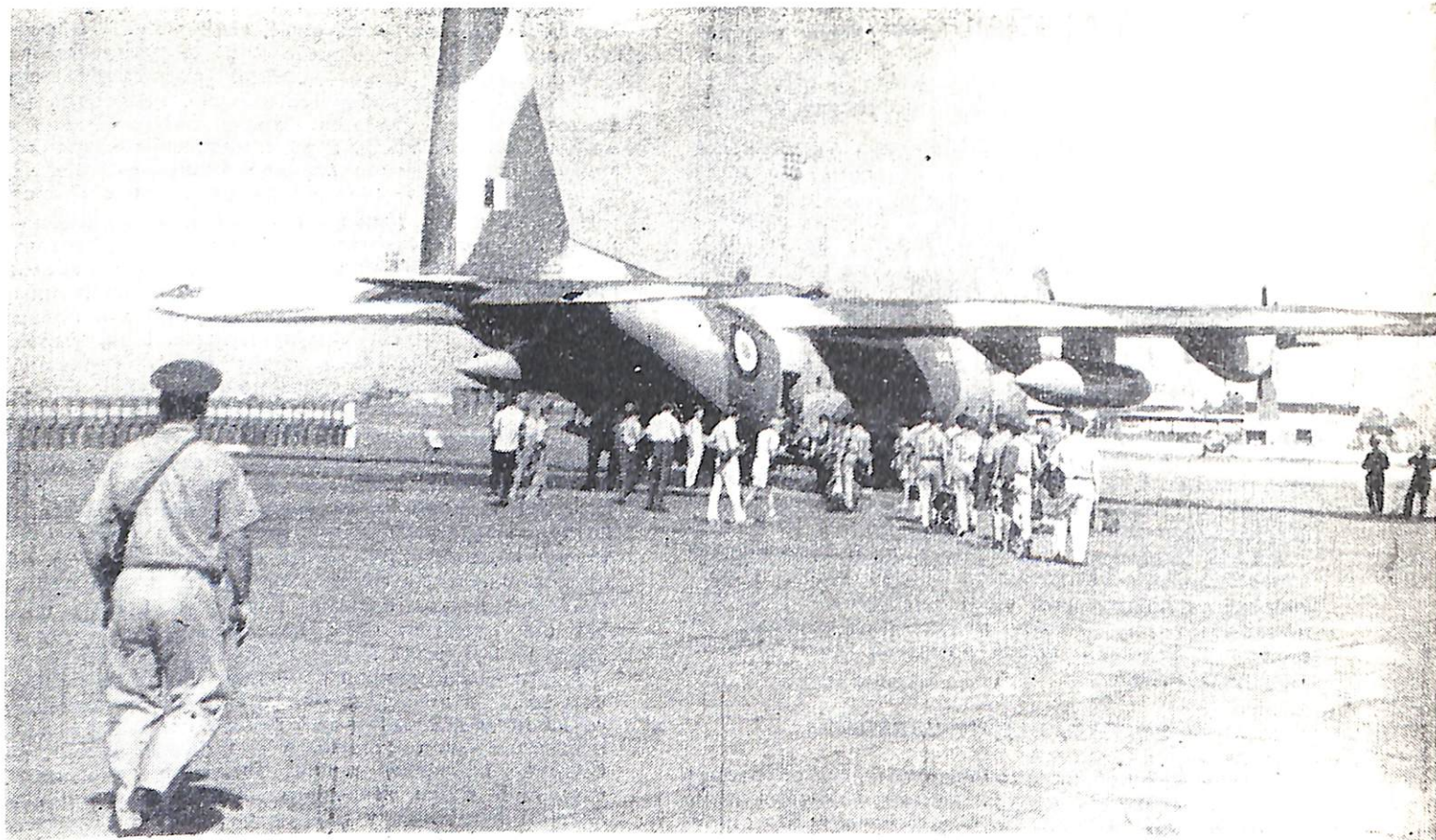
И опять нечто типично восточное, арабийское — лавка кальянов. Некоторые из них — монументальные сооружения из меди, красного дерева, керамики. На узорных медных кронштейнах, привинченных к деревянному стержню, висят свернутые в кольца красно-синие шланги с мундштуками. В полумраке за минаретами кальянов сидит очень серьезный пожилой продавец, ни слова не говорящий по-английски. С ним нет никакого смысла торговаться: его цена «настящая» и окончательная.

Кальян в значительно большей степени, чем сигарета и трубка, помогает убивать время. Он располагает к долгому сидению на одном месте, к неторопливым раздумьям. К тому же кальян — не только курительный прибор, но и организатор общества. В Южном Йемене я часто видел людей, сидевших вокруг кальяна, поджав под себя ноги. Так они проводят часы, передавая друг другу по очереди мундштук и обсуждая все на свете.

Много раз я прошел по улицам Кратера, прежде чем заметил денежных менял, скромно устроившихся на полу лавок. Перед менялой небольшой ящик с несколькими отделениями для разных валют, небольшая, вероятно, рекламная пачка денег лежит сверху. В банке кассиры сидят, отгороженные от клиента решеткой, у дверей изнывает от безделья полицейский с тяжелой винтовкой на коленях, а менялы устроились под ногами прохожих и не рассчитывают быть ограбленными. Дело в том, что суммы у них невелики и крупный налетчик на них не позарится; начинающего вора быстро поймают — тут все знакомы между собой.

В самом центре Кратера, рядом с людными торговыми улицами, находятся три сравнительно тихие улочки златокузнецов. Как и в средние века, ювелиры держатся вместе, цехом, и только два посторонних магазина вклинились в их золотые ряды. Желтые прилавки начинают сверкать вечером, когда зажигают свет. Здесь почти совсем не говорят по-английски, да и нет в том надобности: товар сделан для местных жителей, с учетом их вкусов. Не побывав в Адене, невозможно вообразить, что в природе существуют подобные украшения из золота. Ну хотя бы нагрудник из золотых звеньев. Или пояс с большой розой, вырезанной из золотого листа. Сам пояс — тоже чистого золота — состоит из нескольких частей, соединенных шарнирами. Кольца на шею, браслеты на руки и на ноги, подвески с разноцветными стеклами производятся тут же, за прилавком. Гудят горны, мастера постукивают молотками и не обращают внимания на покупателей. И они совершенно правы — покупатели-мужчины мало интересны, а разглядывать покупательниц просто не имеет смысла — они наглухо упакованы в черную материю.

Женщины молча стоят у прилавков и иногда тихими голосами просят показать украшения. И вот когда продавец подает черной фигуре кольцо и она протягивает за ним руку, только тогда я могу составить хоть какое-то представление о ней. Руки молодые, изящные и без колец, — возможно, совсем недавно замужем и только начинает покупать драгоценности. Негромко советуетсся с такой же за-

Получив в ноябре 1967 года приказ, английские солдаты эвакуировались из Адена за четыре дня.

Фото ТАСС

маскированной подругой и робко возвращает кольцо ювелиру.

Можно представить, насколько трудно молодым людям знакомиться и общаться, если девушки ходят с закрытыми лицами, учатся отдельно, только в определенные дни могут купаться в закрытом бассейне, когда граждан другого пола туда не пускают. Браки заключаются по воле родителей, с помощью свах. И все же, несмотря на многие века подавления и отрицания сугубо человеческого чувства — взаимной любви, она осталась жить подпольно. Любящие находят друг друга и общаются порою, как герои детективных повестей. Появляется язык условных знаков: чуть приподнятое над ступней черное покрывало, сетка нового цвета на лице или что-нибудь подобное.

Из золотых рядов хорошо виден крытый рыбный рынок. Утром, еще до рассвета, около гор свежей рыбы начинается аукцион. Посредники, купившие улов у рыбаков на побережье, продают розничным торговцам по одной, по две рыбы, а те распродают их кусками — граммов по двести-триста. В этот час, когда еще многие в городе спят, рынок находится на вершине торговой активности. Горожане, которые приходят за куском макрели после шести, не застают аукциона. Там уже **все** спокойно: продавцы растащили своих рыб по прилавкам и точными ударами рубят их на порции. От большой блестящей горы осталось несколько сардин и акула-молот, которая никому не понадобилась. Ее морда действи-

тельно напоминает молот: расплющена на конце и растянута в стороны двумя крыльями. По краям крыльев возвышаются глаза, которые, ко всему прочему, вращаются. От таких глаз вряд ли скроешься.

В тот день акула долго валялась на рынке, потом ее вытащили во двор. Наверное, так никто ее и не взял.

ПОРТ И КАНАЛ

Захватив Кратер, англичане тем не менее жить там не стали. Английские районы Маала, Стимер-Пойнт и Хормаксар возникли рядом, на открытом берегу океана. Новая улица Маалы — теперь самая главная — была застроена совсем недавно домами для младших офицеров. Это многоквартирные пятиэтажные здания одного стиля, но все же разные и очень хорошо приспособленные к климату: комнаты продуваются, окна в глубине лоджий, внизу, между опорами, на которых стоят дома, устроены открытые стоянки для машин. Пока в Адене было относительно спокойно, унтер-офицеры жили в трех-четырёхкомнатных квартирах с семьями и после дежурства в казармах любовались заливом, скалами и кораблями на рейде. Их подчиненные жили на горе в Стимер-Пойнте, совсем недалеко от Маалы.

Аденские казармы строили в основном в начале нашего века, когда военная база приобрела для Англии особо важное значение. Тогда не было кон-

диционером воздуха, и поэтому для казармы выбрали самое продуваемое место, над морем. Потолки сделали очень высокими, и на длинных стержнях подвесили над койками вентиляторы. Я бродил по огромным пустым спальням, где остались только эти вентиляторы, умывальники, картинки из журналов на стене и надпись в бывшей столовой: «Пиво на вынос не продается». Больше ничто не напоминает о том, что несколько десятилетий подряд здесь громко смеялись, громко топали и ссорились тысячи загорелых, здоровых людей. В ноябре 1967 года солдаты, получив приказ, эвакуировались за четыре дня.

Пока эти казармы, как и прекрасный госпиталь ВВС, пустуют, и на полу уже образовался заметный слой песка — его каждый год надувают муссоны. Валяются в коридоре растрепанные и разорванные книги из госпитальной библиотеки. И только одно небольшое здание занято жильцами, освоившими его без спроса, но уверенно.

Внизу под казарменной горой расположился собственноручно Стимер-Пойнт и знаменитый Аденский порт, которым и была жива английская колония Аден. Стимер-Пойнт застраивался зданиями викторианского типа, с большими окнами, с наружными галереями, завешенными от солнца циновками. Все водопроводные и водосточные трубы в то время, то есть в последние десятилетия прошлого века, укреплялись на наружных стенах домов, их красили и красят в черный цвет, и они резко выделяются на светлом фоне здания. Недалеко от порта жил английский губернатор, тут же строили свои помещения компании и банки, так что Стимер-Пойнт был английским районом. За домами компаний, за шеренгой гостиц спрятались под горой арабские улицы. Но самое главное, из-за чего возник Стимер-Пойнт, — это порт.

До июня 1967 года аденский порт был одним из самых оживленных портов мира. Гавань постоянно расширяли, углубляли. Каждый месяц в Аден заходило 130—150 судов; корабли стояли на рейде, дожидаясь своей очереди подойти к плавучей заправочной станции или встать под разгрузку. Большая часть судов заходила все же для бункеровки. По этой причине на другой стороне аденской гавани, в Малом Адене, возник нефтеочистительный завод могучей компании «Бритиш петролеум».

Корабли проходили Суэцкий канал, Красное море, заворачивали «за угол» в Аден, брали, сколько им было нужно, горючего и шли дальше — в Индию, Сингапур, Австралию. Это было очень удобно, и времени много они не теряли. Все изменилось с закрытием канала. Суда пошли вокруг Африки, и заходить в Аден им стало не с руки. Заправившись в Кейптауне, они теперь идут по прямой к местам назначения, так что в Аденском порту кораблей бывает раз в пять меньше. Это по большей части те, что постоянно курсируют вдоль азиатского или восточноафриканского побережья.

Практически исчезли туристы, и стала глухнуть беспощадная торговля, которой тоже славился Аден. Торговцы Стимер-Пойнта вот уже два с лишним года целыми днями с тоскою смотрят в сторону моря, но туристов нет как нет. Одиноким покупателей упорно зазывают в лавки, трясут перед ними довольно запыленным товаром, с наслаждением торгуются. Настоящий торговец в Стимер-Пойнте быстро скучнеет и теряет к покупателю интерес, если тот покупает вещь по первой предложенной цене. Нужно торговаться, снижать цену, продавец будет саркастически улыбаться и сокрушенно качать головой по поводу недооценки его

товара, укажет на неведомые качества, растянет какую-нибудь кофту до предела, показывая, что вы можете толстеть в ней сколько угодно, рванет за рукав, демонстрируя прочность, и в конце концов все же уступит немного. Это искусство, это смысл жизни. И названия магазинов тоже рассчитаны на туристов и моряков: «Кенийский магазин», «Красноморский», «Трафальгар-сквер» (написано по-английски) или «Тихий Дон», «Невский магазин», «Одесский толчок» — это уже буквами, напоминающими русские.

Иногда сюда все же забредают моряки, которых отпустили на берег всего на час или на два. Поэтому они должны как можно быстрее найти нужный товар и купить его по самой низкой цене. Торговцам это отлично известно. Они мгновенно определяют национальность матросов, и уже с обоих концов улицы раздаются голоса искусителей: «Федя, иди сюда!», «Миша, заходи!», «Куртка надо? Что надо?». В эти минуты продавцы находятся в предстартовом состоянии, готовые лезть по полкам, открывать коробки, примеривать вещи на клиента и всячески убеждать его. Матросы проскакивают по улице и исчезают в темноте, и постепенно успокаиваются взбудораженные торговцы. Они еще некоторое время возбужденно перекликаются и затихают. Я думаю, что они указывают друг другу на

*Так здороваются в Южном Йемене.
Фото из газеты «Хорионт» (Берлин)*

ошибки или вскрывают недостатки, борются за культуру обслуживания. Но без Суэца эта коммерция — все равно лишь тень прошлого.

ДВЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

Стимер-Пойнт и теперь, через два года после ухода англичан, остался, не в пример Кратеру, районом тихим и сравнительно малолюдным. Машин на улицах немного, отчего пешеходы беззаботны и небдительны: автомобиль, как и волк в лесу, дисциплинирует. Крики доносятся с улицы только вечером, когда сверкающие потом футболисты играют перед отелем, поэтому шум и грохот по железу среди дня 20 июня были для меня неожиданностью.

По направлению к Кратеру небыстро ехали машины, в кузовах которых, держась друг за друга, стояли молодые люди и усердно выкрикивали лозунги. В тот день исполнилось два года с момента восстания в Кратере. С тех пор стоит на холме разрушенная церковь, в которой до июня 1967 года обычно заседало Законодательное собрание Федерации Южной Аравии. Взрывом сорвало крышу, вынесло наружу окна и двери, остались только стены. Восставшие подразделения южноаравийской армии и присоединившаяся к ним полиция до 4 июля не пускали в Кратер англичан. Тогда же прошла всеобщая забастовка и 500 заключенных, переполнившие маленькую тюрьму, были выпущены на волю. По улицам, бросая вызов зною, совсем недавно, подобно полицейскому, властно загонявшему людей в дома, бегали мальчишки и кричали о победе. Сэр Хэмфри Тревельян, верховный комиссар, тем временем раздумывал и колебался. 27 июня он окончательно решил не вводить в Кратер войска, твердо объявил о своем решении и вывел их 4 июля. Солнце беспрепятственно стало выполнять свои полицейские функции до 7 часов вечера, а затем ему на смену заступали английские солдаты.

Колебания сэра Хэмфри, в сущности, нетрудно понять: за сутки до армейского мятежа стало известно, что Англия покинет этот район 9 января следующего года. Британия фактически простилась с Аденom, так стоило ли затевать сражение?

Перестрелки случались в Адене вплоть до получения страной независимости, что произошло 30 ноября 1967 года. Английские солдаты установили на крышах более или менее высоких зданий во всех районах города пулеметы и дежурили около них круглосуточно. Молодые «джонни» (так арабы называли всех англичан, которые в свою очередь, обращаясь к местным жителям, звали их «абдулами») лежали на раскаленных бетонных крышах, широко раскинув красные, обгоревшие ноги в шортах, и напряженно следили за улицей. Иногда какое-то движение внизу казалось им подозрительным, и тогда они открывали огонь; во все стороны рикошетом от стен и мостовой с визгом летели пули.

Летом и осенью того года жизнь любого аденца могла оборваться самым неожиданным образом — пуля могла влететь в окно его комнаты, на базаре он мог попасть в облаву и под обстрел из автоматов. В августе начались столкновения между членами и приверженцами партии Фронта освобождения (ФЛОСИ) и Национального фронта (НЛФ). Сражения порою начинались с пустяка: кто-то писал на стене краской большими буквами «Только ФЛОСИ!», что вызывало громкое возмущение сторонников соперничающей организации. И в мгновение ока тихая улочка с ленивыми козами и собаками становилась смертельно опасным местом. Торговцы, поджидавшие покупателей около лавок, разносчики товаров

с тюками на головах, дети, оказавшись в центре перестрелки, кидались враспынную, прятались под прилавки, в подъездах. После недолгого боя на мостовой на битом стекле рядом с простреленными консервными банками лежали убитые люди и козы. Памятью о тех тревожных месяцах остались надписи на стенах, часто перечеркнутые, и спирали колючей проволоки, уложенные англичанами у подножья скалы, на которой стояли их казармы.

Через три дня после первой демонстрации в годовщину восстания по улице перед гостиницей, проезжая в боковые переулки, непрерывно гудя, снова проехали грузовики с кричащими людьми. Одинаково черноволосые, многие с усами, в разноцветных рубашках, юноши скандировали какие-то слова, показывая массу белых зубов. Один из тех, кому не нашлось места в кузове, висел снаружи на борту на одной ноге, кричал вместе с друзьями и одновременно пытался удержать соскальзывающий со свободной ноги большой разношенный ботинок. Его лицо было таким же ликующим, как и у остальных.

Причину этой демонстрации я понял сразу — накануне по радио сообщили о переменах в правительстве и отставке президента Кахтана аш-Шааби. Обязанности главы государства стал исполнять президентский совет.

Эти события внешне почти не изменили городскую жизнь. Пожалуй, только на главных дорогах появились дополнительные контрольно-пропускные пункты. У ближайшего к моему дому КПП рядом с двумя помятыми бочками из-под бензина стоял очень молодой хрупкий солдат в выгоревшей, великоватой для него форме, но туго перепоясанный ремнем и добросовестно и внимательно заглядывал в каждую остановленную машину. Время от времени из переулка выходили патрульные — двое солдат и еще два или три человека из партийной милиции в защитного цвета одежде, но без погон и кокард, в зеленых чалмах, с винтовками. После прошедших изменений постепенно стали исчезать со стен магазинов напечатанные яркими красками портреты бывшего президента, который, казалось, намеренно сделал серьезное лицо, чтобы скрыть мысль о чем-то ему хорошо известном.

ТОЛЬКО СРАКТА

Основное занятие населения Народной Республики Южного Йемена — кочевое скотоводство, а также земледелие, рыболовство и добыча соли. Обрабатывается около 60 тысяч га. Свыше 1 миллиона голов скота (главным образом козы и овцы) пасутся в горах и пустыне. В городе Адене находятся небольшие текстильные предприятия, крупный нефтеочистительный завод (7,7 миллиона тонн в год), судоремонтные верфи. В Абиане и Лахедже построены хлопкоочистительные заводы.

80 процентов населения страны — арабы, остальные — индийцы, сомалийцы, иранцы, пакистанцы и др. В столице республики — городе Адене живет более 200 тысяч человек. В городе издаются газеты на арабском языке, имеется телецентр.

Традиционный жест индийского классического танца.